

Шендрик Евгений Александрович

"ЕСЛИ РУССКИЕ ТАНКОВЫЕ СОЕДИНЕНИЯ НАСТУПАЮТ, ТО ОНИ ВСКОРЕ РАСПАДАЮТСЯ НА ОТДЕЛЬНЫЕ ГРУППЫ...": НЕМЕЦКОЕ КОМАНДОВАНИЕ ОБ ОПЫТЕ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ ТАНКОВ И МОТОПЕХОТЫ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ В 1942 Г.

В статье раскрывается подготовка немецкого командования ко второму генеральному наступлению вермахта на советско-германском фронте летом 1942 г., в котором большая роль отводилась применению танков. В исследовании анализируется трофейный немецкий документ "Опыт боевых действий на Востоке. Танки и мотопехота", составленный Отделом боевой подготовки Генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии по итогам оборонительных и наступательных боев частей вермахта в районе Харькова в мае-июне 1942 г. и посвященный наставлениям по взаимодействию между танковыми и мотопехотными соединениями.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 192-197. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

и Ватанабэ Кадзан (1793-1841 гг.), Томиока Тэссай (1837-1924 гг.), Урагами Гёкудо (1745-1820 гг.), которые продемонстрировали новый этап изысканной, интеллектуальной живописи.

Художники «бундзинга» придают особое значение высоте человеческих качеств, душевному облику художника как важнейшему условию творчества и главнейшему компоненту образной структуры произведений.

Список литературы

1. Бубнова В. Д. О японском искусстве. Россия – Япония. На путях взаимопонимания культур. М.: Издательство ЛКИ, 2009.
2. Виноградова Н. А. Искусство Японии. М.: Изобр. иск., 1985. 114 с.
3. Соколов-Ремизов С. Н. Гармония мироздания. Японский художник Томиока Тэссай (1837-1924). М.: Прогресс-Традиция, 2005. 247 с.
4. Соколов-Ремизов С. Н. Живопись и каллиграфия Китая и Японии на стыке тысячелетий в аспекте футурологических предположений: между прошлым и будущим. Изд-е 2-е, испр. М.: Книж. дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
5. Японская гравюра и живопись / сост. А. В. Савельева. СПб. – М.: ООО СЗКЭО «Кристалл»; Оникс, 2007. 318 с.
6. Японско-русский словарь иероглифов. М.: Русский язык; Медиа, 2007. 410 с.
7. Addiss S. Tall Mountains and Flowing Waters. The Arts of Uragami Gyokudo. Honolulu: University of Hawaii Press, 1987. 208 p.
8. Berry P., Morioka M. Literati Modern: Bunjinga from Late Edo to Twentieth-Century Japan. Honolulu: Honolulu Academy of Arts, 2009. 367 p.
9. Bunjinga no kindai Tessai to sono shiyutachi. Kyoto: Kokuritsu Kindai Bijutsukan, 1998. 243 p.
10. Rathbun W. J. Treasures of Japanese Art. A Thousand Cranes. Seattle: Seattle Art Museum, 1987. 239 p.
11. Rosenfield J. M. Buson Yosa. Mynah Birds and Flying Rocks: Word and Image in the Art of Yosa Buson // Franklin D. Murphy Lectures, XVIII. Lawrence: Spencer Museum of Art, University of Kansas, 2004. P. 3-14.

TREND “BUNDZINGA” IN JAPAN. ROLE OF THE CHINESE TRADITION

Cherdakova OI'ga Igorevna

*I. E. Repin St.-Petersburg State Academic Institute for Painting, Sculpture and Architecture
kipriniada@mail.ru*

The article is devoted to the features of the formation and development of the Japanese trend “bundzinga” that formed at the end of the XVII century in Japan on the basis of the Chinese traditions “wenzhenhua”. The main objective of the study is to trace the aesthetic and artistic features of “bundzinga” as well as to determine the significance of this trend in the Japanese painting.

Key words and phrases: “bundzinga”; “nanga”; “wenzhenhua”; the Japanese painting; the Chinese tradition.

УДК 355.48(470.324)

Исторические науки и археология

В статье раскрывается подготовка немецкого командования ко второму генеральному наступлению вермахта на советско-германском фронте летом 1942 г., в котором большая роль отводилась применению танков. В исследовании анализируется трофейный немецкий документ «Опыт боевых действий на Востоке. Танки и мотопехота», составленный Отделом боевой подготовки Генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии по итогам оборонительных и наступательных боев частей вермахта в районе Харькова в мае-июне 1942 г. и посвященный наставлениям по взаимодействию между танковыми и мотопехотными соединениями.

Ключевые слова и фразы: Великая Отечественная война; советско-германский фронт; Красная Армия; вермахт; немецкое командование; боевые действия; танки; мотопехота.

Шендриков Евгений Александрович, к.и.н., доцент

*Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I
generals78@mail.ru*

«ЕСЛИ РУССКИЕ ТАНКОВЫЕ СОЕДИНЕНИЯ НАСТУПАЮТ, ТО ОНИ ВСКОРЕ РАСПАДАЮТСЯ НА ОТДЕЛЬНЫЕ ГРУППЫ...»: НЕМЕЦКОЕ КОМАНДОВАНИЕ ОБ ОПЫТЕ БОЕВОГО ПРИМЕНЕНИЯ ТАНКОВ И МОТОПЕХОТЫ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ В 1942 Г. ©

В 1942 г. части Красной Армии и вермахта вступили в новую стадию противоборства. После поражения под Москвой и провала плана «молниеносной войны» против СССР положение фашистской Германии ухудшилось. Но она по-прежнему обладала огромными силами и ресурсами для продолжения преступной войны. К весне 1942 г. немецко-фашистская армия закрепились на новых рубежах. При этом войска ее центральной группировки находились в 150 км от советской столицы. Проведя чрезвычайные мероприятия по мобилизации

сил и перебросив значительную часть резервов с Запада на Восточный фронт, Гитлер и послушный ему генералитет готовили здесь новое наступление [18, с. 189]. Отсутствие второго фронта в Европе благоприятствовало этому. По мнению германского военного представителя при 8-й итальянской армии на советско-германском фронте генерала К. фон Типпельскирха, «1942 г. был, возможно, последним годом, когда основные силы немецкой армии могли быть использованы на одном фронте» [19, с. 228]. Существующее положение дел на советско-германском фронте вызывало тревогу и у рейхсминистра военной промышленности А. Шпеера. Позднее в воспоминаниях он писал: «Весной 1942 года я, встревоженный отступлениями вермахта на русском фронте, задумался о тотальной мобилизации всех резервов. Более того, я настаивал на окончании войны в ближайшее время; в противном случае Германия войну проиграет. Мы должны победить к концу октября, до начала русской зимы, или же наше поражение неминуемо. Следовательно, мы можем победить лишь тем оружием, которым располагаем сейчас, а не тем, которое собираемся произвести в будущем году» [26, с. 275].

Судя по ныне известным документам, немецкое командование располагало серьезными силами. Так, к началу второго генерального немецкого наступления на советско-германском фронте германское командование для окружения и уничтожения советских войск, прикрывавших воронежское направление, выделило около 900 тыс. солдат и офицеров, свыше 17 тыс. орудий и минометов, 1640 самолетов. Им противостояли советские войска, насчитывавшие 1715 тыс. человек, 15600 орудий и минометов, 758 боевых самолетов [3, с. 340].

Кстати, невзирая на грандиозность немецких планов, они были намного скромнее, чем перед нападением на Советский Союз. В 1942 г. главный удар намечался на Сталинград и Северный Кавказ. Несмотря на самоуверенные заявления Гитлера на совещании в своей ставке о том, что «сопротивление русских окажется очень слабым» [4, с. 123], план летнего наступления 1942 г. получил «кодовое название — Операция «Блау»». Первоначально намеревались назвать его — Операция «Зигфрид», однако Гитлер больше не желал давать своим планам всякого рода обязывавшие на подвиг имена мифологических фигур — Фридрих Барбаросса уже успел печально зарекомендовать себя» [10, с. 226]. Кроме того, начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель отмечал, что план наступления «после уже невозможного истощения сил и ввиду необходимости быть готовыми к обороне повсюду не мог быть более возобновлением генерального наступления по всему фронту» [12, с. 374]. К этому времени Гитлер, по мнению английского историка У. Ширера, «приобрел уже достаточно опыта, чтобы понять, что уничтожить Красную Армию в ходе одной кампании не сможет» [25, с. 300].

Главная роль в предстоящем наступлении отводилась танковым соединениям. Действительно, танки во Второй мировой войне имели большое значение. Об этом же говорил и Гитлер на совещании 28 марта 1942 г., подчеркивая, что «авиация и танки — решающие рода войск. Они должны использоваться в тесном взаимодействии друг с другом» [7, с. 251]. Танк (англ. *tank*) являлся полностью бронированной гусеничной боевой машиной высокой проходимости с мощной пушкой обычно во вращающейся башне, предназначенной в основном для стрельбы прямой наводкой [17, с. 1470]. В частности, танковые соединения предназначались для прорыва в глубину обороны противника во взаимодействии со стрелковыми частями.

Как отмечал британский военный историк Э. Молло, «ударной силой германской армии были танковые дивизии, игравшие ключевую роль в боевых действиях на Восточном фронте. Количество танковых соединений выросло с 10 дивизий в 1940 г. до 25 весной 1942 г. и до 35 дивизий неполной численности в 1945 г. (включая одну дивизию Люфтваффе и семь СС)» [15, с. 189].

Немецкий генерал Б. Мюллер-Гиллебранд позднее писал, что «одним из выводов из опыта войны на Востоке явился вывод о дальнейшем возрастании роли бронетанковой техники для успеха операции. Это относилось в одинаковой мере как к наступлению, так и к обороне, как к боевым действиям танковых соединений, так и к бронированным боевым средствам пехотных соединений, имевших в наличии танки, штурмовые орудия, противотанковые пушки на самоходных лафетах, бронетранспортеры, самоходные артиллерийские установки и т.д.» [16, с. 66]. Однако производство танков намного отставало от потребности в них. Объем производства танков не соответствовал задачам, поставленным перед сухопутными силами. Поэтому танковые соединения в полосе наступления планировалось в достаточной степени оснастить боевой техникой, в то время как на остальных участках фронта использовать в большем количестве штурмовые орудия и противотанковые пушки на самоходных лафетах [Там же, с. 67].

Надо также отметить, что немецкое командование извлекло уроки из прошедших боев на советско-германском фронте в 1941 г. Как позднее вспоминал дважды герой Советского Союза Маршал бронетанковых войск М. Е. Катуков, после битвы под Москвой немецким командованием «была создана специальная комиссия, которой поручалось собрать материалы в целях изучения русских танков и конструирования на основе этого новых немецких танков и более мощного противотанкового оружия» [11, с. 57].

К июню 1942 г. для проведения летнего наступления в составе группы армий «Юг» немецкое командование сосредоточило 9 танковых дивизий (3, 9, 11, 13, 14, 16, 22, 23 и 24-я). По директиве Генерального Штаба вермахта от 18 февраля 1942 г., в ходе подготовки к летней кампании в состав танковых полков двухбатальонного состава включался еще один (третий) танковый батальон. Кроме того, по батальону (рота средних и две роты легких танков) получили моторизованные дивизии (в моторизованной дивизии «Великая Германия» («Crossdeutschland») танковый батальон состоял из трех рот средних танков). Для проведения операции «Блау» привлекалось 5 моторизованных дивизий (мд) — 3, 16, 29, 60-я, «Великая Германия» («Crossdeutschland») и моторизованная дивизия СС «Викинг» («Wiking»). Последняя получила танковый батальон в конце апреля 1942 г. [13, с. 7].

Всего для проведения операции «Блау», как отмечают авторы «Военно-исторических очерков», немецкое командование выделило 1260 танков [3, с. 340]. По данным же немецкого исследователя и бывшего офицера вермахта В. Хаупта, группа армий «Юг» насчитывала 1495 исправных (*подчеркнуто автором статьи – Е. Ш.*) танков, 133 из которых были оснащены длиной 75-мм пушкой. В среднем в танковой дивизии насчитывалось 126, а в пехотной (моторизованной) – более 50 танков [20, с. 155-156]. Другой немецкий исследователь, бывший генерал вермахта Ф. В. Меллентин, утверждает, что для такой важной операции 4-я немецкая танковая армия имела 800 танков и самоходных орудий, но подавляющего превосходства это не давало [14, с. 188].

Поэтому немецкое командование старалось рассчитывать не на количество танков, а на умелое их применение немецкими танкистами в бою. С этой целью немецкое командование тщательно следило за обобщением опыта, накопленного в ходе боевых действий на советско-германском фронте в 1941-1942 гг. Не стал исключением и «опыт танковых и мотопехотных соединений в наступательных и оборонительных боях в районе г. Харькова», разработанный Отделом боевой подготовки Генерального штаба сухопутных войск Германии. Этот документ был разослан в части вермахта 9 июля 1942 г., т.е. когда наступление немцев находилось уже в самом разгаре, с оговоркой о том, что «так как речь идет об опыте отдельных танковых дивизий, окончательная оценка, которая должна иметь характер наставлений по ведению боя и по боевой подготовке, еще не сформировалась». Поэтому, по мнению немецкого командования, «настоящее обобщение опыта должно служить лишь рекомендацией к действию» [24, д. 748, л. 35].

Так называемая рекомендация содержит 3 раздела: «Общее», «Бой собственных танковых соединений» и «Мотопехота на бронетранспортерах». В разделе «Общее» немецкое командование, чтобы подбодрить военнослужащих вермахта, указало недостатки тактики советских танкистов. В частности, подчеркивалось, что «на тех участках фронта, где русские располагали танковыми частями численностью в одну или несколько бригад, они не вступали в действие на поле боя в полном составе. Их танковые соединения в основном вели огневой бой группами по 20-30 машин, с остановки и с большой дистанции. При этом согласованность в их действиях и единое командование чаще всего не были заметны». На основании вышеизложенного делался вывод, что «если русские танковые соединения наступают, то они вскоре распадаются на отдельные группы; боевая мощь распыляется» [Там же, л. 36].

Справедливости ради необходимо согласиться с данным утверждением, поскольку вышеперечисленные недостатки были присущи большей части советских танкистов как в период боевых действий под Харьковом, так и в более поздний период. Касаясь использования танковых корпусов командованием Брянского фронта, М. Е. Катукон, бывший командир 1-го танкового корпуса в июле 1942 г., задавался вопросом: «Чем можно объяснить неуспех действий многочисленных танковых корпусов в этой операции на Брянском фронте? Танковые корпуса вводились в сражение на разных участках фронта и в большинстве случаев неодновременно. Ни разу не было нанесено по войскам противника массированного удара крупных танковых сил. Многие танковые корпуса вводились в бой, не завершив формирования и сколачивания».

Отрицательно сказались на боеспособности корпусов и большое количество легких танков (до 40-50%), состоявших на их вооружении. Корпуса не прикрывались истребительной авиацией, не поддерживались нужным количеством артиллерии. Отсутствовала помощь штурмовой и бомбардировочной авиации. А ведь по всем заповедям военной науки успех в бою достигается усилием и тесным взаимодействием всех родов войск и видов вооруженных сил по месту, времени и цели. Однако некоторые высокие начальники считали, что «танки все могут». Так было и в этой операции» [11, с. 172]. Того же мнения был и начальник штаба Брянского фронта генерал М. И. Казаков, который, описывая боевые действия 5-й советской танковой армии, отмечал: «Успешный ввод в сражение этого мощного войскового объединения мог существенно повлиять на обстановку под Воронежем. К сожалению, массированной танковой атаки не получилось. Танки вступали в бой из колонн по методу ввода в готовый прорыв с выделением передовых батальонов (примерно по два батальона от корпуса). В итоге наступление танковых корпусов свелось, по существу, к действиям только передовых батальонов» [9, с. 112].

Особый интерес в рекомендации представляет раздел «Бой собственных танковых соединений», который содержит краткую информацию о тактике советских танковых корпусов и детальное описание полученного немецкими войсками опыта. Немецкое командование констатировало, что «в ходе наступления наших танков русским в основном не удавалось быстро сконцентрировать свои танковые силы для одновременных ответных действий. Приобретенный опыт свидетельствует, что русские иногда используют свои танки как оборонительное оружие, по типу подвижных долговременных оборонительных сооружений. В основном вражеские танки ведут огневой бой с хорошо замаскированных позиций, у дефиле и рубежей, по течению речушек и у края деревень» [24, д. 748, л. 36].

Здесь необходимо отметить, что данная тактика была присуща советским танкистам еще с начала войны. Катукон, описывая трагические события лета 1942 г., вспоминал: «И все же, несмотря на тяжелейшую обстановку, корпусные части держали оборону, стояли насмерть на захваченных рубежах. Снова, в который раз за год войны, мы действовали испытанным в обороне методом танковых засад, перемалывая в неравной схватке живую силу и технику врага. Ожесточенные бои пришлось вести за каждую высоту, за каждое село, зачастую значившиеся только на карте, ибо в действительности село, за которое шел бой, представляло собой груды битого кирпича и обгоревших бревен. В эти дни танкисты иногда сутками не вылезали из машин и дрались с невероятным упорством. Многие командиры показали образцы подлинного воинского мастерства» [11, с. 156-157].

Одними из ярких примеров тактики советских танкистов являются боевые действия 14-й отдельной танковой бригады под командованием подполковника С. Т. Стызика. 1 июля 1942 г. части вермахта двумя танковыми колоннами из района Марьино, Сергеевка перешли в наступление на обороняющиеся части

284-й советской стрелковой дивизии. 2-й танковый батальон и батарея противотанковых орудий 14-й советской отдельной танковой бригады действиями из засады приостановили наступление противника, после чего бригада получила задачу контратаковать противника в направлении Сергеевки. С этой задачей успешно справился 2-й танковый батальон, уничтожив 4 средних танка противника. В итоге, 284-я советская стрелковая дивизия восстановила прежнее положение своих частей [22, д. 14, л. 113]. Исследователь А. И. Гринько отмечал, что, прикрывая отход стрелковых частей, экипажи 14-й отдельной танковой бригады били по врагу в упор и быстро откатывались на новый оборонительный рубеж. Такие действия из засад путали планы фашистов, замедляли их продвижение к Дону [8, с. 53].

Подобная тактика советских танкистов описана и в отчете о боевых действиях 24-й немецкой танковой дивизии под командованием генерал-майора Б. Р. фон Хауэншильда: «После подавления опорных пунктов противника Сенное и Марьино танковый полк в районе Луковиновка – Быково натолкнулся на большое количество, частично закопанных в землю тяжелых танков противника», «в населенном пункте Синие Липяги по головным дозорам противник открыл сильный танковый и зенитный огонь» [24, д. 674, л. 6, 14].

Немецкая рекомендация, необходимо признать, содержит объективные выводы. Весной-летом 1942 г. немецкие танки обладали определенным превосходством «(гибкое управление за счет радиосвязи, лучшие условия зрительного наблюдения) благодаря концентрации всех имеющихся танковых сил для одновременного внезапного удара во фланг и тыл противника» [Там же, д. 748, л. 37].

Действительно, советские танки к середине 1942 г. еще не имели достаточного количества радиостанций. Так, 18-й танковый корпус, прибыв в начале июля для обороны Воронежа, имел следующие недостатки. Танковые бригады и корпусные части, а также управление корпуса оказались сформированными наспех. Бригады при формировании не получили зенитных средств, радиосредств, а полученные несколько радиостанций в пути следования были не смонтированными [21, д. 22, л. 87].

Нельзя обойти вниманием и пожелание немецкого командования «оставаться в движении, ни в коем случае не ввязываться в огневой бой с вражескими танками на большой дистанции (дальность действия вражеской пушки калибра 7,62, которой оснащена большая часть русских танков (Т-34, КВ-1) больше)» [24, д. 748, л. 37].

С этим утверждением необходимо согласиться. Как отмечали белорусские историки, несмотря на модернизацию средних танков Т-III и Т-IV, увеличение их броневой защиты и огневой мощи, по основным показателям они уступали советским танкам [5, с. 172]. Это же подтверждает подполковник-танкист Г. Клейн, подчеркивавший в своей брошюре «Бой танков с танками», вышедшей в 1942 г., что «большое значение для стрельбы по современным танкам имеет пробивная способность оружия. Как показал опыт, стрельбу по танкам выгодно вести с дистанции 1000-1200 м и ближе, так как пушки наших средних и тяжелых танков на этой дистанции дают самый эффективный огонь, тогда как пушки немецких танков на этих дистанциях дают большое рассеивание» [2, с. 224].

Следующий вывод вышеупомянутой рекомендации можно оспорить, поскольку содержит утверждение: «Если противник обнаружил нашу танковую атаку, то его нужно атаковать на максимальной скорости. Тогда противник становится неуверенным, начинает отходить, теряет взаимную связь и может быть уничтожен по отдельности» [24, д. 748, л. 37]. Конечно, в Красной Армии бывали исключения, когда целые подразделения обращались в бегство при нажиме со стороны противника. В одной из бесед с известным историком В. А. Анфиловым Маршал Советского Союза Г. К. Жуков заметил: «Надо смотреть правде в глаза и, не стесняясь, признать, что в начале войны противник был значительно сильнее и опытнее нас, лучше подготовлен, выучен, вооружен, оснащен. Мы же учились в ходе войны, выучились и стали бить немцев. Вы стесняетесь писать о неустойчивости и бегстве наших войск, заменяя это «вынужденным отходом». Это не так. Войска были и неустойчивыми, бежали, впадали в панику. Были дивизии, которые дрались храбро и стойко, а рядом соседи бежали после первого же натиска противника. Обо всем этом надо писать. Современный читатель, в том числе молодой, не должен думать, что все зависит только от начальника. Нет, победа зависит от всех, от каждого человека, от его личной стойкости в бою» [1, с. 42]. Однако в большинстве случаев советские воины показывали образцы стойкости и храбрости. В «Докладе о тактическом применении германских и советских танковых частей на практике», составленном по опыту боевых действий 23-й танковой дивизии вермахта в ходе операции «Блау» говорилось: «Фантастический боевой дух русских танкистов: некоторые танки теряют ход, получают 5-6 прямых попаданий, но их экипажи не сдаются и продолжают вести огонь. Для уничтожения таких машин приходится посылать специальные группы саперов-подрывников. Русские сражаются до последнего снаряда и патрона... Огонь немецкой артиллерии или атаки пикирующих бомбардировщиков редко вынуждают русских оставить позиции, хотя они и несут значительные потери» [2, с. 254].

Не меньший интерес представляет наставление «открывать огонь с ближней дистанции (400-100 м) по боковой и кормовой частям вражеского танка (большая уязвимость), затем двигаться прямо на цель и при отходе противника вести преследование, не давая ему остановиться», поскольку «с новой длинноствольной танковой пушкой калибра 5 и 7,5 см войска получили оружие, отлично зарекомендовавшее себя во всех боях. Английские танки поражаются этим оружием наверняка, русские, кроме КВ-1, – эффективно» [24, д. 748, л. 37-38].

Действительно, к началу операции «Блау» в танковых и моторизованных дивизиях увеличилось количество танков *Pz.III Ausf.J* с 50-мм орудием *Kw.KL/60* и *17 Pz.IV Ausf.F2* с 75-мм орудием *Kw.KL/43*. Благодаря более мощным пушкам и новым типам боеприпасов эти танки могли успешно бороться с советскими танками Т-34 и КВ-1 [13, с. 7]. Испытав на себе действие вышеописанной тактики, командиры советских корпусов описали её в отчетах и донесениях. Военный комиссар 17-го советского танкового корпуса В. Г. Гуляев 11 июля 1942 г. отмечал: «Во время боев выяснилось, что противник принял новую тактику, а именно: танки маскировал в крестьянских домах и оттуда открывал огонь. Этот маневр противника считаем нужным довести до личного состава частей фронта, которые еще не участвовали в боях с танками противника» [23, д. 24, л. 8].

Помимо танковых частей, к проведению операции «Блау» привлекалось 10 дивизионов штурмовых орудий, имевших более 150 *StuG III*. Из них большую часть составляли штурмовые орудия *StuG III Ansf.F*, вооруженные 75-мм орудиями *StuK 40* с длиной ствола в 43 калибра. Эти самоходки также могли успешно бороться с тридцатьчетверками и KV-1 [13, с. 7]. Командир 18-го танкового корпуса И. П. Корчагин в докладе начальнику Автобронетанкового управления Я. Н. Федоренко писал, что «противник применил быстро подвижную противотанковую оборону, используя для этой цели самоходные бронированные 75-мм орудия, стреляющие болванками, которые пробивали и зажигали наши танки любой системы» [21, д. 22, л. 90].

Не останавливаясь на достигнутом, немецкое командование предложило частям вермахта еще несколько методов борьбы с советскими танками: «д) Если противнику вновь удастся закрепиться, то не продолжать наступление фронтально, а вновь действовать с фланга и тыла. Для этого получить точную информацию о местности, установить местонахождение вражеских танков, затем приближаться ощупью, пока противник не обнаружит маневр. е) При неожиданном столкновении с находящимися на позиции вражескими танками отойти и после дополнительной рекогносцировки и разведки вновь атаковать во фланг и тыл» [24, д. 748, л. 37-38].

Кстати, подобную тактику применяли и советские танкисты. Катюков описал ее так: «Ведь обычно как действовали выдавшие виды танкисты при выполнении такой задачи? Готовясь к атаке, они, прежде всего, высылали вперед боевую разведку с тем, чтобы она вызвала огонь на себя. Командиры танковых экипажей и подразделений в это время располагались в укрытиях, наблюдательных пунктах и засекали обнаружившие себя огневые средства врага. А потом подавалась команда «Но машинам!», и танковые экипажи устремлялись вперед, зная точно, какие цели им предстоит подавить огнем, уничтожить, смять гусеницами. Понятно, предварительная разведка не обеспечивала обнаружения всех целей, но все же значительно облегчала борьбу с огневыми средствами противника» [11, с. 170]. Однако иногда и не по желанию самих советских танкистов вышеописанная тактика игнорировалась.

Что касается раздела «Мотопехота на бронетранспортёрах», то он содержит не менее интересную информацию по использованию данного вида войск. Немецкое командование настоятельно рекомендовало пехотный батальон на бронетранспортёрах «вводить в бой только в полном составе, даже если дивизия располагает лишь одним таким батальоном. Не распылять это подразделение, не использовать отдельные машины для перевозки боеприпасов, продовольствия или раненых», поскольку «только в условиях теснейшей связи батальона на бронетранспортёрах с танковым подразделением дивизии боевая мощь этого батальона в наступлении проявляется в полном объеме». Кроме того, идущая вслед за танками мотопехота на бронетранспортёрах брала на себя «одновременно огневое прикрытие против атак отделений истребителей танков противника с близкого расстояния» и придавала «танковым экипажам чувство безопасности» [24, д. 748, л. 38-39].

Наставления содержали инструкции о том, как действовать во время столкновения с советскими танками. В этом случае бронетранспортеры должны были отводиться от танков, «чтобы не подвергать без нужды обстрелу бронейными снарядами». Не сбрасывалось со счетов, с целью уменьшения воздействия противотанкового оружия противника на мотопехоту, «наблюдение во все стороны, чтобы своевременно обнаружить вражеские противотанковые орудия и подавить их огнем. Прикрывая друг друга огнем, бронетранспортеры атакуют охватом и на максимальной скорости и уничтожают противника в ближнем бою» [Там же, л. 39].

Нельзя не согласиться с утверждением, что «стрелковая рота на бронетранспортёрах (лег.) в составе реорганизованных мотоциклетно-стрелковых батальонов представляет собой самое сильное пехотное подразделение этих батальонов. Рота прекрасно проявила себя во всех ситуациях, она маневренна и обладает повышенной проходимостью» [Там же]. В этом плане летом 1942 г. соединения Красной Армии значительно уступали частям вермахта. В частности, накануне Великой Отечественной войны в течение 1940-1941 гг. в СССР было изготовлено всего 16 бронемашин БА-11. Первые их образцы предполагалось использовать в финской кампании, однако быстрое окончание боевых действий на Карельском перешейке задержало боевое крещение бронеемобилей более чем на год. После начала Великой Отечественной войны дальнейший серийный выпуск БА-11 оказался невозможным, так как Ижорский завод, на котором изготавливались бронекорпуса для машин, был отрезан из-за блокады Ленинграда. Прекратился также и выпуск трехосных шасси из-за эвакуации Московского завода ЗИС. Небольшое количество построенных БА-11 применялось в начальный период Великой Отечественной войны на Ленинградском фронте. Они использовались в составе отдельного автобронетанкового батальона 42-й армии для огневой поддержки пехоты и кавалерии, а также для борьбы с бронетехникой и огневыми точками врага [6]. Как говорится, комментарии излишни.

В целом немецкое командование, оценивая приобретенный боевой опыт использования мотопехоты, пришло к выводам, что необходимо «в наступлении использовать роту в полном составе, не выделять отдельные бронетранспортеры для разведки», «пока позволяют условия местности, мотопехота на легких бронетранспортёрах атакует впереди, чтобы быстро сломить сопротивление встретившегося противника. Так часто удается избежать требующего времени и сил отхода стрелков-мотоциклистов, которые вынуждены отходить уже при слабом сопротивлении противника», и, наконец, «с самого начала придать роте достаточное количество тяжелых вооружений, прежде всего противотанковых орудий, чтобы она имела в своем распоряжении действенное оружие против самого опасного врага мотопехоты на бронетранспортерах – вражеских танков. После отхода мотопехоты бронетранспортеры под прикрытием огня противотанковых пушек уезжают в укрытие» [24, д. 748, л. 39-40].

Подводя итог, следует отметить, что принятые немецким командованием меры оказались весьма эффективными, свидетельством чего является выход 23 августа 1942 г. частей вермахта к Волге севернее Сталинграда,

которым немцы овладеть так и не смогли. Вместе с тем эти меры по обеспечению успеха в продвижении частей вермахта оказались временными, поскольку советское командование извлекло уроки из прошедших кампаний, исправив основные недостатки по ведению боевых действий в современных условиях. Как писал позднее М. Е. Катуков: «Уже через несколько месяцев мы научились применять для решения крупных наступательных операций не только танковые корпуса, но и по несколько танковых армий одновременно» [11, с. 163]. Действительно, советское руководство к ноябрю 1942 г. завершило перевод экономики на военные рельсы и разработало ряд рекомендаций, которые легли в основу приказов Народного комиссара Обороны № 306 и № 325, вышедших в октябре 1942 г. Так, приказ № 306 от 08.10.1942 г. был посвящен совершенствованию тактики наступательного боя и боевых порядков подразделений, частей и соединений в наступлении. Что касается приказа № 325 от 16.10.1942 г., то он затрагивал вопросы боевого применения танковых и механизированных частей и соединений [17, с. 1224]. Однако самое главное заключается в том, что немецкое командование так и не смогло найти эффективное оружие против стойкости, упорства и доблести советских воинов, которые ценой своей жизни отстаивали честь и независимость Родины.

Список литературы

1. Анфилов В. А. «...Разговор закончился угрозой Сталина» // Военно-исторический журнал. 1995. № 3. С. 39-46.
2. Барятинский М. Великая танковая война 1939-1945. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 416 с.
3. Великая Отечественная война 1941-1945: военно-исторические очерки. М.: Наука, 1998. Кн. 1. Суровые испытания. 544 с.
4. Великая Отечественная война (1941-1945): крат. науч.-попул. очерк / под ред. чл.-кор. АН СССР ген.-лейт. П. А. Жилина. Изд-е 2-е, доп. М.: Политиздат, 1973. 542 с.
5. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны): справочник / авт.-сост. А. А. Коваленя, М. А. Краснова, В. И. Лемешонок; под ред. А. А. Ковалени. Минск: Изд. Центр БГУ, 2007. 235 с.
6. Военная техника. Вооружение России и мира [Электронный ресурс]. URL: <http://kolleksiya.ru/tanki/434-ba-11-broneavtomobil-sssr-vtoroj-mirovoj-vojny.html> (дата обращения: 24.07.2014).
7. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск / пер. с нем. Смоленск: Русич, 2004. 400 с.
8. Гринько А. И. В боях за Воронеж. Хроника героической обороны города. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1985. 223 с.
9. Казаков М. И. Над картой былых сражений. М.: Воениздат, 1971. 288 с.
10. Карелл П. Дорога в никуда: вермахт и Восточный фронт в 1942 г. / пер. с нем. А. Л. Уткина. Смоленск: Русич, 2003. 528 с.
11. Катуков М. Е. На острие главного удара. Изд-е 3-е. М.: Высш. шк., 1985. 432 с.
12. Кейтель В. Взгляд в прошлое накануне смертного приговора // Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания / пер. с нем. и сост. Г. Я. Рудой. Смоленск: Русич, 2000. С. 335-387.
13. Коломиец М., Смирнов А. Бой в излучине Дона. М.: Стратегия КМ, 2002. 85 с.
14. Меллентин Ф. В. Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. 1939-1945 гг. / пер. с англ. В. Д. Кайдалова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 415 с.
15. Молло Э. Вооруженные силы Второй мировой. Структура. Униформа. Знаки различия. Полная иллюстрированная энциклопедия / пер. с англ. М.: Эксмо, 2004. 320 с.
16. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии, 1933-1945: в 3-х т. / пер. с нем. И. М. Глаголева; под ред. и с предисл. к.и.н., полк. П. М. Деревянко. М.: Воениздат, 1976. Т. 3. 416 с.
17. Новейшая военная энциклопедия. Сила и гордость новой России / под ред. А. П. Горкина и др. М.: РИПОЛ классик, 2007. 1664 с.
18. Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М.: Наука, 1977. 727 с.
19. Типпельскирх К. фон. История второй мировой войны. СПб.: Полигон, 1994. Т. 1. 1939-1943. 297 с.
20. Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 448 с.
21. Центральные архивы Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 18 ТК. Оп. 1.
22. ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843.
23. ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2847.
24. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462.
25. Ширер У. Взлет и падение третьего рейха: в 2-х т. / пер. с англ.; под ред. О. А. Ржешевского. М.: Воениздат, 1991. Т. 2. 526 с.
26. Шпеер А. Третий рейх изнутри. Воспоминания рейхсминистра военной промышленности / пер. С. В. Лисогорского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 654 с.

“IF THE RUSSIAN TANK UNITS ATTACK, THEY WILL SOON SPLIT INTO SEPARATE GROUPS...”: THE GERMAN COMMAND ABOUT ATTEMPT OF TACTICAL USE OF TANKS AND MOTORIZED INFANTRY AT THE SOVIET-GERMAN FRONT IN 1942

Shendrikov Evgenii Aleksandrovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Voronezh State Agricultural University named after Emperor Peter the Great
generals78@mail.ru

The article reveals the preparation of the German command to the second general attack of the Wehrmacht at the Soviet-German front in summer of 1942, where the use of tanks played a significant role. The study analyzes the captured German document – “The Attempt of Tactical Operations in the East. Tanks and Motorized Infantry” compiled by the combat training division of the General Staff of the land forces of Nazi Germany on the basis of offensive and defensive combats of the Wehrmacht units in Kharkov region during May-June 1942 and dedicated to the instruction on interaction between tank and motorized infantry units.

Key words and phrases: the Great Patriotic War; the Soviet-German front; the Red Army; the Wehrmacht; the German command; tactical operations; tanks; motorized infantry.